

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.06

Правильная ссылка на статью:

Веркеев А. М. Эмпирические индикаторы мобилизации права // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>.

For citation:

Verkeev A. M. (2018) Empirical indicators of mobilization of law. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>.

А. М. Веркеев

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ МОБИЛИЗАЦИИ ПРАВА

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ МОБИЛИЗАЦИИ ПРАВА

ВЕРКЕЕВ Арсений Максимович — лаборант, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-4532-1495

EMPIRICAL INDICATORS OF MOBILIZATION OF LAW

*Arseny M. VERKEEV¹ — Research Assistant
E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4532-1495*

¹ Institute for the Rule of Law, European University at St Petersburg, St Petersburg, Russia

Аннотация. Ключевым теоретиком последней четверти века в социологии права является Дональд Блэк. Его идея в том, что присутствие государственного социального контроля в конкретных ситуациях можно измерить количественно с помощью учета действий людей, обращающихся к праву или использующих его. По Д. Блэку, количество права зависит от социальной

Abstract. Donald Black has been a key theorist in sociology of law over the last quarter-century. His principal idea is that in specific situations governmental social control can be measured quantitatively by tracking the activities of individuals who use legal system. Black views the quantity of law as dependant on social structure inextricably linked to society. Unlike numerous works focused

структуры, оно неразрывно связано с обществом. В отличие от традиционного для работ в рамках его теории фокуса на «поведении права», данная статья уделяет внимание «мобилизации права». Мобилизация права — это превращение жизненной ситуации в юридический кейс (судебный спор, уголовное дело и т. п.). Исследования, тестирующие теорию Д. Блэка, демонстрируют разные подходы к этому феномену. Автор статьи вводит разделение на подход «от действия» и подход «от результата». В статье на примере 11 количественных исследований мобилизации права гражданами, опубликованных в 1979—2017 гг., рассматриваются эмпирические индикаторы мобилизации права и факторов социальной структуры. Текущая практика исследований обращена в сторону факта мобилизации права (обращение в суд или полицию), но почти отсутствуют попытки оценить ее успешность. При операционализации факторов социальной структуры наиболее важным оказывается выбор не таких индикаторов, которые распространены в текущих исследованиях, а таких, которые лучше всего согласуются с условиями изучаемого общества. Теория Д. Блэка предоставляет широкую дискрецию в выборе индикаторов, однако исследователи ограничены доступными им данными. Часто в качестве источника используются данные виктимизационных опросов, учитывающих латентную преступность. Поворот к данным в криминологии и эмпирическом правоведедении может послужить источником позитивных изменений в исследованиях мобилизации права, в том числе вывести их на новый уровень в России.

on Black's behavior of law theory, this article highlights his theory of the mobilization of law. Mobilization of law is a phenomenon when a life situation turns into a legal case (lawsuit, criminal case, etc.). The studies testing Black's theory propose different approaches to this phenomenon. The author differentiates between an 'action-based' approach and a 'results-based' approach. The article examines eleven quantitative studies of citizens' mobilization of law published in 1979—2017 and considers empirical indicators of the mobilization of law and social structure factors. The current research practices are oriented towards the fact of mobilization of law (appeal to court or police) but attempts to assess their success are scarce. When it comes to operationalization of social structure factors, it is of utmost importance to choose the indicators which best suit the conditions of the society under consideration rather than those popular in today's studies. The Black's theory is rich in indicators; however the data available for the researchers are limited. Victimization surveys which take into account the latent crime are often used as a source. A turn to data in criminology and empirical legal studies may lead to positive changes in the studies of the mobilization of law and even redefine them.

Ключевые слова: мобилизация права, поведение права, операционализация, поведение закона, мобилизация закона, виктимизация, социология права, правоприменение, Дональд Блэк

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01618).

Автор благодарен Вадиму Волкову и Кириллу Титаеву за комментарии к предварительным версиям статьи. Ответственность за качество статьи полностью лежит на авторе.

Keywords: mobilization of law, behavior of law, operationalization, legal behavior, legal mobilization, victimization, sociology of law, law enforcement, Donald Black

Acknowledgment. The study is financed by Russian Science Foundation (project no. № 17-18-01618). The author's gratitude goes to Vadim Volkov and Kirill Titaev for their comments on the draft versions of the article. Responsibility for the quality of the article lies entirely with the author.

Бытует мнение, что государственная машина правоприменения, состоящая из полиции, судов, прокуратуры и других органов, проявляет какую-либо активность в основном по собственной инициативе. Социология права утверждает, что это далеко не всегда так. Значимая часть правоприменительной деятельности государства зависит от его граждан, которые как минимум предоставляют ему актуальную информацию о потенциальных правонарушениях, а как максимум — используют его для достижения своих целей и решения конфликтов. Более того, в правовой системе также работают люди, активирующие ее изнутри. Эти процессы, которые заставляют думать о правовой системе как о пассивной инфраструктуре, наполняемой человеческим действием, поддаются описанию с помощью концепции мобилизации права.

Мобилизация права — это авторский термин классика социологии права Дональда Блэка. Он обозначает процесс, посредством которого правовая система получает в свое распоряжение дела [Black, 1973]. Проще говоря, мобилизация права — это превращение жизненной ситуации в юридический кейс: судебный спор или уголовное дело, например. Социология права здесь выполняет базовую функцию, обращая внимание на то, чем является право или закон на практике. Согласно концепции мобилизации права, правовая система не может функционировать, если силы общества регулярно не занимаются активацией ее возможностей.

Теория Д. Блэка [Black, 1973; 1976] представляет собой частный случай «чистой социологии» — парадигмы, в рамках которой реализован отказ от индивида как значимой социологической категории [Black, 1976: 7]. Там, где другие теории объясняют реальность через обращение к внутренним мотивам действий людей (пусть и часто понимаемых как формируемых извне), чистая социология обращает внимание исключительно на социальную жизнь.

Д. Блэк пишет о разных аспектах социальной жизни, один из которых — право¹. Ученый выделяет пять измерений социального пространства, репрезентирующих аспекты социальной жизни, от которых зависит поведение права. Вертикальное измерение (стратификация) отсылает к разнице в благосостоянии. Горизонтальное (морфология) — к межличностным отношениям. Корпоративное (организация) — к коллективным действиям. Символическое (культура) — к идеям и ценностям. Нормативное (альтернативный социальный контроль) — к запретам и санкциям за исключением предусмотренных правом.

В настоящей статье дается проблемно-ориентированный обзор существующих эмпирических исследований мобилизации права, эксплицитно обращающихся к теоретическим предпосылкам Блэка. Есть дефицит работ, которые бы критически рассматривали методологию исследования мобилизации права и концентрировались на проблемах операционализации и выбора данных, часто подвергаемых рефлексии в недостаточной мере. Данная статья призвана преодолеть этот дефицит.

При ознакомлении с результатами исследований, тестирующих теорию Блэка, всегда могут возникнуть вопросы, вне зависимости от того, указывают ли результаты на подтверждение предпосылок или на опровержение. Можно спросить: действительно ли в исследовании проверяется та гипотеза, которая следует из теории? Иными словами, не является ли, скажем, «опровергающий» результат на самом деле эффектом рассогласованности между дизайном исследования и исходными теоретическими формулировками? В связи с этим особое внимание в настоящей работе уделяется именно операционализации.

Схему операционализации как перехода от теоретических концептов к эмпирическим категориям хорошо описывает Геннадий Батыгин: «При переходе с концептуального уровня на операциональный, как правило, возникает рассогласование между концептуальными и операциональными определениями <...> целесообразно «сформатировать» проблему перехода от концептуальных определений к операциональным в виде методического комплекса, где каждому понятию соответствуют переменная и операциональное определение» [Батыгин, 1995: 57]. Операционализация является ключевым аспектом, достойным внимания при анализе попыток протестировать теорию Блэка.

По оптимистичным оценкам Йозефа Михальски, теория права Блэка находит прочное эмпирическое подтверждение в исследовании с вероятностью 71,1% (исключены работы учеников Блэка) [Michalski, 2008: 261].

В настоящей работе автор выявил 27 исследований, открыто заявляющих о тестировании теории Блэка, опубликованных в период с 1979 по 2017 гг.,² и выбрал из них 11 на основании ряда критериев, которые будут описаны далее.

¹ Следует указать на проблематичность конвенционального употребления вариантов перевода английского law в дискуссии о теории Д. Блэка на русском. Часто употребляется «закон» в случае с поведением закона (behavior of law), но «право» в случае с мобилизацией права (mobilization of law). К примеру: «Тезис о мобилизации права и закономерностях «поведения закона» побудил социологов...» [Волков, 2017: 37]; см. также: [Блэк, 2014]. В настоящей работе в обоих случаях используется слово «право», что сделано с осознанием дискуссионности такого перевода (см.: [Кузнецов, 2015: 34—35]). Однако такой перевод кажется приемлемым решением хотя бы в рамках этой статьи, поскольку она посвящена именно мобилизации права, а этот термин достаточно устойчиво переводится именно таким образом.

² В работе нет исследований, опубликованных ранее 1979 г., так как это год публикации первого исследования, тестирующего теорию Д. Блэка [Gottfredson, Hindelang, 1979a].

Первый раздел статьи содержит обзор теории и некоторые предварительные замечания. Во втором разделе рассматриваются существующие подходы к исследованию феномена мобилизации права: от подходов, совсем не опирающихся на теорию Д. Блэка, до попыток ее эмпирически протестировать. В последнем случае автор классифицирует эти подходы, выделяя четыре основных типа. Третий раздел посвящен краткой истории эмпирических проверок теории Блэка, а также описанию процедуры отбора статей для настоящего анализа. Следующие два раздела посвящены операционализации в анализируемых статьях. Так, четвертый раздел рассматривает применяемые в статьях индикаторы мобилизации права, а пятый — индикаторы социальной структуры, после чего подводятся итоги статьи.

1. Поведение и мобилизация права Дональда Блэка

Дональд Блэк определяет право как государственный социальный контроль. Иначе говоря, «это нормативные отношения государства и его граждан, такие как законодательство, судебное состязание и урегулирование споров» [Блэк, 2014: 132]. Согласно теории Блэка, право — это количественная переменная, которую можно рассматривать как зависимую. Изменения, происходящие с правом в связи с влиянием независимых переменных (пяти аспектов социальной жизни), выражаются в увеличении или уменьшении его количества — поведении права³. Например, обращение в суд означает больше права, чем решение спора внесудебными способами (другие примеры: [Black, 1976: 3]).

При этом связь, образуемая между зависимой переменной (количеством права) и влияющими на нее факторами (измерениями социального пространства), не должна рассматриваться как нечто само собой разумеющееся. Влияние факторов, изменяющих количество права, опосредовано мобилизацией права. Этот термин Блэк вводит для обозначения процесса, посредством которого правовая машина приводится в действие. Выражая некоторые сомнения в правильности выбора слова для обозначения этого процесса, Блэк указывает на то, что трудность с подбором термина отражает ситуацию недостаточной изученности феномена мобилизации — посредника между правом и людьми [Black, 1973: 126]. Таким образом, право ведет себя не само по себе, а его поведение — производное от деятельности по мобилизации права, осуществляемой различными акторами. Мобилизация права — то, что определяет поведение права.

Спрос на право (сочетание возможности и желания, то есть готовность «активировать правовой процесс» [Black, 1973: 127]) со стороны граждан предполагает и наличие предложения права (готовности удовлетворить спрос на право) со стороны государства. Мобилизация права — двусторонний процесс. Д. Блэк, с одной стороны, говорит о реактивной мобилизации, осуществляемой через действия граждан, обращающихся к государственным органам, затем реагирующим на эти обращения. С другой стороны, речь идет о проактивной мобилизации, которая осуществляется через инициативные действия государственных служащих, произ-

³ В понятие поведения права входят также четыре стиля права, каждый из которых по-своему реагирует на девиантное поведение. Карательный стиль права наказывает нарушителя, компенсаторный принуждает его к компенсации вреда, терапевтический помогает ему исправиться, а примиренческий стремится к исчерпанию конфликта. Каждый стиль, как и право само по себе, может присутствовать в ситуации в большем или меньшем количестве [Black 1976: 4—6].

водимые в отсутствие предшествовавших им и повлекших их обращений граждан [Black, 1973: 128]. В настоящей статье акцент ставится на реактивной мобилизации права. Этот тип можно признать близким к общей социолого-правовой традиции изучения спроса на право, доступности права для граждан и равенства перед законом.

Разделение на реактивную и проактивную мобилизацию дополняется необходимостью разделения на мобилизацию частного и публичного права, которые происходят по-разному. Частное право предполагает отношения между гражданами, поэтому можно сказать, что для него характерна реактивная мобилизация, в то время как публичное право может подвергаться мобилизации как проактивно, так и реактивно [Black, 1973: 129], например, при сообщении о преступлении в полицию.

Характер мобилизации права связан с четырьмя аспектами правовой системы. Во-первых, под осведомленностью о правонарушениях (*legal intelligence*) Д. Блэк понимает объем сведений о нарушениях закона, имеющих у правовой системы в ее юрисдикции [Black, 1973: 130]. Этот объем сведений зависит от специфики мобилизации права и как минимум определяется тем, какая мобилизация более распространена — реактивная или проактивная. В первом случае ответственность за оперативную информацию о нарушениях и, следовательно, за потенциальную возможность их устранения лежит на гражданах, во втором случае — на государстве (впрочем, тоже на гражданах, с тем уточнением, что в этом случае они находятся на государственной службе).

Во-вторых, доступность права (*availability of law*) для граждан влияет на характер и объемы его мобилизации с их стороны [Black, 1973: 137]. В понятие доступности права входят те ожидаемые издержки (к примеру, оплата адвоката), которые гражданин понесет при обращении к праву. Так, известно, что слишком высокие издержки легальной деятельности ведут к росту внезаконных отношений [De Soto, 1988]. Другая причина повышения издержек мобилизации права — подверженность гражданина влиянию социальных норм, поощряющих решение конфликтов внезаконными методами, например, порицающих «стукачество» [Black, 1973: 140]. Таким образом, нормы внезаконного заключения контрактов и разрешения споров могут являться как следствием запретительных барьеров для использования правовых норм, так и причиной отказа от использования права в первую очередь.

В-третьих, с мобилизацией права связана организация дискреции (*organization of discretion*). Дискреция (то есть свобода в принятии решений по собственному усмотрению), которой обладают государственные правоприменители в отношении квалификации явлений реальности, иногда настолько широка, что приходится говорить о том, что решение принимается человеком почти произвольно и в некотором отрыве от писаного закона [Black, 1973: 141—142]. При этом ясно, что дискреция в принятии решений актуальна не только для полицейского или судьи, но и тогда, когда имеет место выбор гражданина: интерпретировать ли увиденное или испытанное как нарушение прав, осознавать ли причиненный ущерб, сообщать в государственные органы или нет [Фелстинер, Абель, Сарат, 2015].

В-четвертых, Д. Блэк говорит о правовых изменениях (*legal change*). Имеются в виду диахронические сдвиги в паттернах мобилизации права, которые влияют

на нагрузку правовой системы. За проактивной мобилизацией видится некий единый источник планируемых изменений в правоприменительной практике, а за реактивной — децентрализованный источник изменений, по аналогии с невидимой рукой рынка [Black, 1973: 146].

Таким образом, главная идея довольно проста. Правовая система не способна функционировать без людей, мобилирующих ее функции. Социальные характеристики этих людей влияют на их поведение и поведение их контрагентов, а все вместе это влияет на поведение права.

2. Подходы к исследованию мобилизации права

Теория мобилизации права направлена на то, чтобы объяснить вполне определенный феномен социальной жизни. Как и любая теория, она улавливает одни аспекты реальности и оставляет без внимания другие. Не каждое исследование феномена мобилизации права использует теорию Д. Блэка.

Так, речь может идти о процессах, посредством которых человек осознает причиненный себе вред, а затем трансформирует это осознание (далеко не во всех случаях) в судебное разбирательство [Фелстинер, Абель, Сарат, 2015]. Очевидно, что в концепции Д. Блэка речь идет о феномене реактивной мобилизации права. Однако теоретические предпосылки авторов не согласуются с чистой социологией права Блэка (особенно там, где они ссылаются на психические состояния людей), а декларируемая ими методология не количественная, а качественная.

Также существует термин «правовая мобилизация» (legal mobilization), который легко спутать с термином «мобилизация права» (mobilization of law), особенно в силу того, что Д. Блэк сам использует эти варианты написания как синонимичные (см. напр.: [Black, 1973: 128]). Понятие правовой мобилизации находится на стыке права и политологии [Zemans, 1983; Cummings, 2013]. По большому счету, речь идет все о том же феномене, однако в фокусе внимания находятся случаи его использования в конкретных контекстах, связанных с политической системой — механизмом распределения власти и принятия решений. К примеру, исследуется роль права как инструмента в руках активистов, выступающих за реформы, или влияние правовой мобилизации на достижение общественными движениями своих целей [Cummings, 2013]. Таким образом, существующие исследования феномена мобилизации права в целом представляют собой гетерогенное множество.

Однако множество исследований, уже непосредственно опирающихся на теорию Д. Блэка, неоднородно. Во-первых, между ними есть типологическая разница: это может быть изучение реактивной или проактивной мобилизации права (или обоих типов в одном исследовании). Во-вторых, разные источники данных и способы их анализа составляют разные исследовательские дизайны. В-третьих, можно выделить как минимум два разных подхода к эмпирическому изучению мобилизации права, вне зависимости от двух предыдущих различий. Эти подходы, впрочем, не всегда реализуются отдельно друг от друга. Автор данной статьи предлагает обозначать их как подход «от действия» и подход «от результата». Разберем суть каждого из них на примере реактивной мобилизации права.

Оценивать реактивную мобилизацию права можно через учет действий людей — таких как звонки в полицию, подача исковых заявлений и т. п. Этот подход

назовем подходом «от действия». Здесь речь идет о ситуации выбора, в которой находится гражданин как потенциальный мобилизатор права: обратиться ли в суд для разрешения конфликтной ситуации, сообщить ли в полицию, став объектом противоправных действий, или не делать этого. Подход от действия позволяет производить выводы в отношении только одной стороны или одной фазы мобилизации права. Это первая фаза, которая здесь отражает поведение граждан, направленное на сообщение о событии в государственные органы: суд, полицию, «куда надо» (reporting behavior). По Д. Блэку, вероятность мобилизации права зависит от социального статуса вовлеченных в ситуацию акторов. Например, от благосостояния обратившегося в полицию человека, его включенности в общество, уровня культуры и других факторов, а также аналогичных переменных для сотрудников полиции, с которыми он взаимодействует. Однако в первой фазе ничего не известно о степени успешности или результативности таких обращений. Эту результативность можно измерить через отклик или реакцию правовой системы на инициативы граждан.

Второй подход, который учитывает не обращение, а реакцию на него, можно назвать подходом «от результата». Здесь мобилизация права предстает в своей второй фазе: во внимание принимается то, какие действия были предприняты со стороны представителей государства в ответ на полученный сигнал, то есть насколько обращение было успешным. В соответствии с теорией Д. Блэка, реакция правовой системы зависит, как и в случае с первой фазой мобилизации, от социальной структуры. Проще говоря, реакция полиции на обращение человека будет варьироваться в зависимости от его статуса (а также статусов конкретных полицейских): от игнорирования и отказа от формальной фиксации события до принятия немедленных мер и формальной фиксации всех деталей. Таким образом, как реакция со стороны правовой системы является дифференцированной, так и первичные обращения со стороны граждан к праву как инструменту зависят от их социальных характеристик. Рассмотренные подходы наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1. Наблюдаемые феномены в четырех подходах к исследованию мобилизации права

Тип мобилизации	Подход от действия	Подход от результата
Реактивная	Звонок в полицию; обращение в суд	Качество реакции на звонок; успешность рассмотрения дела в суде
Проактивная	Выявление преступлений; требования гособвинителя в суде	Вероятность раскрытия преступлений; удовлетворение требований гособвинителя

Чтобы эмпирически учесть факт мобилизации права, необходимо каким-то образом операционализировать этот концепт. Это можно сделать четырьмя разными способами, которые представляют собой разные комбинации реактивной и проактивной мобилизации, с одной стороны, и подходов от действия и от результата — с другой. Каждый из четырех способов обращается к определенной проблематике в сфере исследования правового поведения.

3. Краткая история эмпирических проверок

Теория Д. Блэка вызвала ряд дискуссий, которые с самого начала были связаны с эмпирическими исследованиями. В 1979 г. М. Готтфредсон и М. Хинделанг опубликовали первое полноценное тестирование утверждений Д. Блэка [Gottfredson, Hindelang, 1979a] о мобилизации права, где не подтвердились почти никакие гипотезы. Из этого авторы делают вывод, что теория Блэка несостоятельна. Кажется, это достаточный повод для того, чтобы не относиться к теории Блэка серьезно, по крайней мере в отношении тех данных, на которых она не работает. Однако на эту ситуацию можно посмотреть и с другой стороны, если предположить, что теория не может «не работать», но способна указать на недостаточность или несовместимость имеющихся данных. Иными словами, проблема может находиться не в теории, а в ее применении. «Сложность социальной жизни никаким образом не лишает силы теорию; скорее, теория нуждается в более продуманных методологических инструментах и измерительных стратегиях для обеспечения уверенности в том, что она может быть оценена должным образом» [Michalski, 2014: 4].

На работу М. Готтфредсона и М. Хинделанга последовала критика со стороны Д. Блэка. Он критикует ее как раз с точки зрения несоответствия между тем, что на самом деле было исследовано, и тем, что заложено в теории [Black, 1979]. Тип данных и операционализация влияют на то, какие результаты будут получены и какие выводы будут сделаны. Авторы исследования приходят к тому, что тяжесть преступления лучше объясняет вариации количества права, чем социальная структура, однако, по мнению Д. Блэка, оказываются в плену тавтологии, поскольку на определение того, что информанты считают преступлением, как раз и влияет социальная структура, как это предсказывает теория [Black, 1979: 21].

Ответ на критику Д. Блэка не заставил долго ждать [Gottfredson, Hindelang, 1979b]; скорость и накал дискуссии чувствуются, поскольку все три статьи опубликованы в одном выпуске журнала. Далее следует ряд публикаций этих и других авторов, высказывающихся за и против теории. Споры между сторонниками и противниками подхода чистой социологии возникают и по прошествии лет, примером чего является дискуссия на страницах журнала «The Sociological Quarterly» в 2008 г. [Marshall, 2008; Michalski, 2008].

Для целей настоящей работы автор отобрал 27 статей в научных журналах (диссертации и монографии не учитывались) в период с 1979 по 2017 гг., которые тестируют теорию права Д. Блэка и авторы которых эксплицитно об этом сообщают. Из них 25 содержат фамилию Д. Блэка или название его теории в заголовке, а две статьи эксплицируют это в аннотации.

Из этого числа сначала были исключены статьи, которые тестировали теорию Блэка только на макроуровне с использованием соответствующих данных. Например, К. Вонг использует в качестве предикторов раскрываемости преступлений социально-экономические параметры канадских муниципалитетов [Wong, 2010]. Далее были исключены те статьи, в которых основной зависимой переменной было не право, а другой тип социального контроля. Например, применение насилия из соображений мести [Phillips, 2001]. Затем из оставшихся статей были исключены те, в которых речь шла скорее о проактивной мобилизации права и приросте права на стадии вынесения судебного решения, поскольку предметом

интереса в настоящей работе является мобилизация права со стороны граждан, проявление спроса на право.

В итоге было получено 11 статей с количественными исследованиями реактивной мобилизации права [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991; Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Copes et al., 2001; Holtfreter, 2008; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012; Xie, Lauritsen, 2012; Graham, Borg, Miller, 2013; Golladay, 2017]. Стоит сказать, что из-за разных ограничений не во всех статьях проверяются все пять наборов гипотез о поведении права, а одна из работ специально тестирует только гипотезы, относящиеся к стратификации [Xie, Lauritsen, 2012].

Из отобранных 11 статей только две [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Holtfreter, 2008] ссылаются на оригинальную статью Блэка [Black, 1973], где вводится и подробно описывается концепция мобилизации права, остальные ссылаются только на *opus magnum* о поведении права [Black, 1976]. Это не удивляет, так как концепция мобилизации права в итоге оказалась встроена в общую теорию: право в принципе не может функционировать без мобилизации. В том числе поэтому и важен вопрос, какие в эмпирических исследованиях используются стратегии операционализации концепта мобилизации права, какие используются индикаторы.

4. Индикаторы мобилизации права

Можно было предположить, что среди рассматриваемых исследований найдется значимое количество примеров подхода от результата, о котором говорилось ранее. Однако результативность, или успешность мобилизации права учитывается только в одной работе [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999], где оценивается вероятность сообщения в полицию об изнасиловании или нападении, а также реакции полиции на это сообщение в виде ареста подозреваемого. Это редкий случай, когда оценивается успешность мобилизации права, то есть используется подход от результата. Предполагается, что успешная мобилизация права будет связана с арестом. Для этого дизайна важно, чтобы у полиции была принципиальная возможность найти нападавшего, иначе будет перекош в сторону отсутствия ареста просто из-за того, что человека не смогли найти, поэтому рассматриваются только случаи, когда жертва была знакома с нападавшим.

Многие рассматриваемые статьи в качестве источника данных используют американское обследование виктимизации (National Crime Victimization Survey (NCVS)), и статья Э. Авакаме и коллег в том числе. Остальные статьи написаны на основе других обследований виктимизации или их близких аналогов⁴, поэтому мобилизация права понимается везде примерно одинаково — речь идет о подходе от действия, то есть о решении человека обратиться в полицию. Разница зачастую состоит только в видах анализируемых преступлений, хотя и тут существует

⁴ Обследование виктимизации (или виктимизационный опрос) — тип опроса, который призван выявить латентную преступность, не фиксируемую официальной статистикой. Информантам задаются вопросы, направленные на выявление виктимного опыта, то есть опыта становления жертвой преступления в недавнее время, а так же всех сопутствующих этому опыту обстоятельств. Так удается учесть преступления, которые по каким-то причинам не дошли до сведения полиции. В силу методологических ограничений даже обследования виктимизации не учитывают всю латентную преступность.

некоторый консенсус, опосредованный доступными опросными данными: часто это нападение (assault), грабёж (robbery), кража (larceny), изнасилование (rape).

Так, М. Готтфредсон и М. Хинделанг [Gottfredson, Hindelang, 1979a] в качестве зависимой переменной используют процент обращений в полицию именно по этим преступлениям. Однако, как замечают Э. Авакаме и коллеги, это слабое исследование с методологической точки зрения: в качестве основного метода работы с данными используются двумерные таблицы сопряженности, что не позволяет учитывать совместное влияние множества предикторов [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999: 772]. Более адекватным методом представляется регрессионный анализ, используемый в большинстве рассматриваемых статей.

На данных NCVS также описаны предсказания сообщений об изнасилованиях [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009] и о разбойных нападениях [Xie, Lauritsen, 2012]. Данные опроса в девяти районах Чикаго позволили проследить, что влияет на сообщение в полицию и иные госорганы о десяти видах нарушения общественного порядка [Doyle, Luckenbill, 1991]. Проверка теории Д. Блэка в отношении сообщений о нападениях, грабежах и кражах на данных Taiwan Areas Criminal Victimization Survey дала смешанные результаты [Kuo et al., 2012]. Исследование, использующее национальный репрезентативный опрос 1988 г. в Бразилии для предсказания сообщений в полицию о краже или ограблении, подтверждает теоретические предположения Блэка и говорит в пользу универсальности теории, то есть ее способности объяснять поведение права в незападных обществах [Graham, Borg, Miller, 2013].

Отдельно стоит упомянуть исследования на виктимизационных данных, где взят другой тип преступлений — экономические. Мошенничество (fraud) исследуется в одной из статей [Copes et al., 2001] с помощью построения трех моделей: со всеми случаями, только с законченными преступлениями, и только с попытками. Кража персональных данных (identity theft) изучается в другой статье [Golladay, 2017], где каждый из адресатов, которому было сообщено о преступлении, кодируется отдельной переменной: сообщение может быть сделано в банк, в правоохранительные органы, в кредитное бюро. Есть не менее интересный случай, когда в качестве субъекта мобилизации права выступает не обычный гражданин, а фирма [Holtfreter, 2008]. Здесь речь идет о мошенничестве со стороны подчиненных на рабочем месте (employee fraud) и используются данные опроса 663 специалистов по расследованию мошенничества, работающих в разных сферах. Специалисты ответили на вопросы по поводу последнего расследованного ими дела, на основании чего и был проведен анализ.

Таким образом, в этом разделе через рассмотрение индикаторов мобилизации права мы выяснили, что рассматриваемые далее индикаторы социальной структуры в большинстве исследований никак не будут связаны с успешностью мобилизации права. В основном используется подход от действия, и выводы делаются о зависимости решений людей мобилизовать право от социальных факторов.

5. Индикаторы социальной структуры

5.1. Стратификация

Согласно Д. Блэку, стратификация представляет собой вертикальное измерение социального пространства, это «вертикальный аспект социальной жизни»

[Black, 1976: 11]. Она отображает существующее неравенство в распределении материальных ресурсов, их аналогов или средств их получения, например, денег. Влияние вертикального измерения предполагает, что «право изменяется прямо пропорционально стратификации» [Блэк, 2014: 142].

Д. Блэк определяет каждое из измерений довольно широко, что делает его теорию пригодной для анализа любых обществ. Официальный месячный доход участников судебного разбирательства может быть использован в качестве индикатора их места в социальной стратификации, однако ясно, что здесь подходит не просто любой тип капитала, а в принципе любой показатель, который в заданном обществе является значимым признаком социально-экономического положения. Д. Блэк пишет, что механизмы распределения благосостояния различаются, так что его индикаторы в разных контекстах могут быть разными, от возраста и принадлежности к определенному роду до вида занятости [Black, 1976: 11—12].

В силу того, что многие авторы, проверяющие теорию Д. Блэка о мобилизации права, работают с данными NCVS, переменные, применяемые для индикации вертикального статуса, очень похожи. Почти везде для этого используется показатель дохода [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991; Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Copes et al., 2001; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012; Graham, Borg, Miller, 2013; Golladay, 2017]. Во всех статьях, кроме трех [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991], в качестве показателя вертикального статуса применяется возраст. Во многих статьях как индикатор места в социальной стратификации используется раса, но одна статья специально посвящена только этому фактору [Xie, Lauritsen, 2012]. Пол в связи со стратификацией рассматривается в большинстве статей, что является ошибкой операционализации: концепт пола включает в себя разные социальные параметры, по некоторым из которых женщины стоят выше мужчин, и ошибочно предполагать, что статус мужчины выше в любой ситуации [Cooney, 2002: 659].

5.2. Морфология

Морфология — горизонтальное измерение социального пространства [Black, 1976: 37—59]. Она может быть выражена, с одной стороны, вовлеченностью человека в социальный мир: чем больше человек интегрирован в общество, тем больше права появляется в ситуациях с его участием при прочих равных условиях. С другой стороны, она выражается через межличностные отношения, а именно степень близости людей друг к другу (например, жертвы и обидчика). Здесь количество права возрастает с увеличением дистанции между людьми, однако в то же время, когда дистанция становится слишком большой, то количество права стремится к нулю — зависимость нелинейная. Конфликт между близкими людьми скорее решится внелегально, а между незнакомыми — с помощью правовых механизмов.

Работающие и состоящие в браке люди считаются более интегрированными в общественную жизнь. Так, для измерения интеграции могут использоваться переменные занятости и брачного статуса [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Graham, Borg, Miller, 2013]. В отдельных исследованиях это также может быть лишь брач-

ный статус [Kuo et al., 2012]. К занятости и браку могут быть добавлены другие переменные, например, частота общения с соседями [Doyle, Luckenbill, 1991]. Там, где исследуются работники, нарушившие права организации, как индикатор морфологии используется нахождение на управленческой должности [Holtfreter, 2008]. Это хороший пример того, как концепт операционализируется исключительно с опорой на контекст исследования, а не на какие-либо априори точные эмпирические индикаторы. Некорректным шагом здесь было бы использование лишь традиционных индикаторов вроде брачного статуса.

Относительная дистанция между жертвой и преступником в одном исследовании измеряется по шкале от члена семьи до незнакомца [Braithwaite, Biles, 1980]. С этой же целью учитывают, был нападавший интимным партнером жертвы или нет [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999]. В исследовании по данным об изнасилованиях эта дистанция измеряется через кодирование по шкале 1—5 от партнера до незнакомца (также берутся брачный статус и наличие работы) [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009]. Еще два исследования учитывают, был ли преступник знаком жертве, а также брак [Copes et al., 2001; Golladay, 2017].

5.3. Культура

Культура — символическое измерение социального пространства, у которого есть два основных аспекта. Первый аспект — это понимаемое широко количество культуры (выраженное, например, как количество потенциальных или реализованных идей), которое варьируется прямо пропорционально количеству права [Black, 1976: 61]. Второй аспект — это конвенциональность. Согласно Д. Блэку, право изменяется прямо пропорционально конвенциональности, то есть близости к мейнстриму внутри измерения культуры. Конвенциональность — своего рода культурный статус, у разных людей он разный. В качестве примеров для измерения конвенциональности Блэк приводит религию (католик более конвенционален, чем иудей, поскольку католиков в данном обществе больше), привычки (алкоголь или табак конвенциональнее, чем кокаин) и политические взгляды (демократ более конвенционален, чем коммунист) [Black, 1976: 68].

Авторы всех рассматриваемых статей применяют в качестве индикатора культуры уровень образования информанта. К этому может добавляться оценка конвенциональности с помощью использования прямого вопроса о принадлежности к какой-либо религии [Graham, Borg, Miller, 2013]. Иногда в качестве индикатора культуры используют брачный статус и трудовой статус жертвы преступления [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999], хотя в общем случае эти индикаторы относят к морфологии.

5.4. Организация

Организация — корпоративное измерение социального пространства, которое выражает «способность к коллективному действию» [Black, 1976: 85], в основном предполагающему централизацию принятия решений, объединение многих единиц принятия решения в одну (классический пример — фирма). Право изменяется прямо пропорционально организации [Black, 1976: 86]. Д. Блэк утверждает, что одна группа людей может быть более организована, чем другая, и один человек

может быть более организован, чем другой, что можно измерить с помощью подсчета его членств в различных группах. Например, некоторые авторы измеряют это через членство жертвы в общественных организациях [Graham, Borg, Miller, 2013]. Также Блэк делает контринтуитивное предположение, что любая группа более организована по определению, чем один человек [Black, 1976: 86]. Возможно, сам термин «группа» уже предполагает организованность, а, например, два незанятых и неорганизованных человека, просто оказавшиеся вместе в какой-то ситуации, не будут группой, что сможет объяснить их неспособность к коллективному действию, в то время как один человек не должен ничего ни с кем согласовывать и является одной единицей принятия решений, априори централизованной.

В первом тестировании теории Д. Блэка [Gottfredson, Hindelang, 1979a] показано, что процент обращений в полицию в связи с ограблениями среди индивидов ниже, чем среди бизнесов. Следующее исследование учитывает число нападавших [Braithwaite, Biles, 1980]. В другой статье учитывается членство жертв в местной организации или клубе [Doyle, Luckenbill, 1991]. Как показатель большей организованности может использоваться коммерческая локация (например, офис), на территории которой произошло преступление [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999]. Организацией в одной из статей считается факт обсуждения своего случая с другими людьми, а также число посещений церкви за последние две недели и волонтерство (community service) [Copes et al., 2001]. Для жертв-фирм в исследовании мошенничества на рабочем месте индикатором организации является сектор экономики, в котором работает фирма (государственный или частный), а также число работников в фирме [Holtfreter, 2008]. В статье об изнасилованиях используется переменная, которая учитывает, что было больше одного нападавшего [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009].

5.5. Альтернативный социальный контроль

Право по Д. Блэку является одним из типов социального контроля — государственным. Существует и негосударственный, или альтернативный социальный контроль. Право меняется обратно пропорционально альтернативному социальному контролю [Black, 1976: 105—121]. Здесь аппроксимирующими индикаторами социального контроля обычно выбирают время дня и локацию или местность, ориентируясь на примеры, приводимые самим Д. Блэком.

Что касается локации, то она может учитываться как место жительства жертвы (город, сельская местность) [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Graham, Borg, Miller, 2013] либо как место происшествия (дом жертвы, общественное помещение, коммерческое помещение, офис или производство, рядом с домом, на улице, в школе, другое) [Gottfredson, Hindelang, 1979a]. Также возможна более простая дифференциация: внутри здания или снаружи [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999], частная локация или общественная [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012].

Время дня используется, как правило, как переменная с двумя значениями: светлое и темное время суток. Однако в одном случае [Gottfredson, Hindelang, 1979a], помимо дневного времени, используется разделение на ночь и вечер, т. е. варианта три: день; с 6 до 12 вечера; с 0 до 6 ночи. Встречается и использование четырех временных промежутков вместе с двумя вариантами, в которых

известно только время суток, но не конкретное время [Braithwaite, Biles, 1980]. В остальных исследованиях, где использовался параметр времени, значения два: для темного и светлого времени суток [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012].

В случае с мошенничеством работников социальный контроль был операционализирован применительно к среде фирмы. Это сделано через такие переменные, как наличие практики анонимных сообщений о мошенничестве, наличие внутренних аудитов, наличие внешних аудитов, а также проверка прошлого сотрудников [Holtfreter, 2008].

В другом исследовании социальный контроль операционализировался с помощью переменной, которая определяет, пытались ли решить проблему внезаконным способом. Авторы сами предполагают, что это не очень удачный ход: если уже известно, что люди пытались решить конфликт незаконно, значит, у них это не получилось, и поэтому они обратились к праву [Doyle, Luckenbill, 1991: 112—113], что делает данную измерительную тактику тавтологичной.

Осознание этой проблемы с операционализацией не заставило авторов изменить свое исследование, они оставили переменную, зная, что результаты будут искажены. Этот случай — хорошая иллюстрация к работе Дж. Михальски [Michalski, 2017], где на основе анализа эмпирических проверок теории Блэка сделан вывод, что результаты, не согласующиеся с теорией, будут с большей вероятностью получены авторами, которые имеют большую социальную дистанцию относительно адептов теории и учеников Блэка. Иными словами, Михальски говорит, что эмпирическое подтверждение теории — это количественная переменная, и она изменяется обратно пропорционально социальной дистанции между автором конкретного исследования и Дональдом Блэком.

Чтобы закрепить мысль о соотношении теории и эмпирики при тестировании утверждений Блэка, рассмотрим пример, гласящий, что права больше ночью, чем днем [Black, 1976: 110]. Он не означает, что при любых обстоятельствах права непременно больше ночью, чем днем. Это условное утверждение, за ним стоит теоретическая конструкция, согласно которой количество права обратно пропорционально количеству внеправового социального контроля. Следовательно, утверждение «права больше ночью, чем днем» будет верным только при условии, что в заданном обществе в ночное время действительно меньше внеправового социального контроля. Это, в свою очередь, требует от общества как минимум разделения на ночное и дневное время — не столько в смысле естественных явлений, таких как восход и закат солнца, сколько в смысле наличия соответствующей нормы, включенной в работу социального института времени. Более того, из антропологических исследований известно об обществах с совершенно иным устройством социального института времени, чем то, к которому привык автор данного текста и, скорее всего, его читатель.

В конце концов, взаимодействия между людьми происходят и в таких средах, где разделение на ночное и дневное время в обычном понимании отсутствует: полярный день и полярная ночь — это метафоры, которые длятся месяцами. Предполагает ли теория Блэка, что во время полярной ночи права больше, чем во время полярного дня? Ясно, что из теоретического утверждения о связи права

и внеправового социального контроля этого не следует. Ясно и то, что заданный вопрос не вполне корректен по отношению к теории, ведь он эмпирический, и должен быть задан к данным. Итак, если мы проведем исследование и выясним, что в каком-то обществе права больше днем, чем ночью (а не наоборот), то мы можем заявить, что это либо (1) опровергает теорию, либо (2) говорит о том, что в данном обществе днем меньше внелегального социального контроля, чем ночью, в отличие от изначального предположения об обратном, что не противоречит теории. Представляется, что с равной степенью уверенности можно поддерживать обе версии. Если концентрироваться лишь на первой версии и не принимать во внимание вторую, можно упустить из виду, что теория на самом деле сохранила объяснительную способность и необязательно была опровергнута.

6. Заключение

Правовую систему заставляют работать (мобилизуют) люди: она не функционирует сама по себе. По Д. Блэку, это могут быть как простые граждане (реактивная мобилизация), так и представители государства (проактивная мобилизация). Исследования мобилизации права различаются в зависимости от этого разделения, а также от разделения на публичное и частное право, подходы от действия и от результата. В рассмотренных здесь исследованиях реактивной мобилизации права превалирует подход от действия: они изучают склонность людей к мобилизации в зависимости от социальных факторов, но не ее успешность, схватывая только ту фазу мобилизации, в которой решение принимается самими гражданами, но не правоприменителями.

Социальные факторы у Д. Блэка не предполагают однозначного и единственного эмпирического референта. При оценке одного фактора неприципиально использование лишь одного индикатора или типа данных [Michalski, 2008: 256]. Поэтому теория Блэка может претендовать на универсальность, однако это позволяет ученым использовать различные индикаторы для одних и тех же параметров социальной структуры даже в рамках одного и того же общества. Операционализация осуществляется довольно произвольно в том смысле, что одни и те же индикаторы нередко приписываются разным измерениям социального пространства.

Это не является большой методологической проблемой. Согласно Д. Блэку, лишь нормативное измерение (социальный контроль) из всех имеет однозначно обратную связь с количеством права. Из-за этого произвольная операционализация почти не затрагивает результатов исследований, для которых не важны названия переменных. Тем не менее это может влиять на содержательные выводы о связи права с иными аспектами социальной жизни.

Отличный способ повысить достоверность проверки теории Д. Блэка — выбрать не те индикаторы, которые часто используются в проводимых исследованиях, а те, которые лучше всего согласуются с условиями изучаемого (со)общества. В противном случае велик риск некорректной операционализации. Хороший пример разработки уникальных для предмета исследования индикаторов — это статья К. Холтфретер [Holtfreter, 2008].

Подводя итог, в отношении методологии можно сказать, что стратегии операционализации концептов теории Блэка в исследованиях реактивной моби-

лизации права в значительной степени зависят от того, какие данные доступны исследователям. При этом очень часто используются данные обследований виктимизации, что само по себе не проблема, но не оставляет выбора в отсутствие других разнообразных данных о мобилизации права (в том числе больших данных) [Cooney, 2002: 659]. Сама теория допускает достаточно широкую дискрецию при выборе эмпирических индикаторов и не навязывает никаких однозначных примеров. Однако зачастую этот потенциал не удается реализовать, поскольку доступные данные ограничены, как и, соответственно, те наборы переменных, которые можно из них получить. Учитывая поворот к данным, о котором принято говорить в последнее десятилетие в криминологии и эмпирических исследованиях права, можно надеяться на изменение этой ситуации в сфере изучения мобилизации права в лучшую сторону. В России приоритетом для повышения качества таких исследований должно быть регулярное проведение больших обследований виктимизации и публикация по их итогам открытых дезагрегированных данных.

Список литературы

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М. : Аспект Пресс, 1995.

Batygin G. S. (1995) Lectures on the Methodology of Sociological Research: Textbook for Students of Human Sciences Universities and Graduate Students. M.: Apect Press. (In Russ.)

Блэк Д. Поведение закона. Глава 1. Введение, Глава 2. Стратификация, Часть 1 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / под ред. Э. Л. Панеях. М. : Статут, 2014. С. 131—144.

Black D. (2014) The Behavior of Law. Ch. 1. Introduction. Ch. 2. Stratification. Part 2. In: Law and Enforcement in the mirror of the social sciences: a reader of modern texts. Ed. by E. L. Paneyakh. Moscow: Statute. P. 131—144. (In Russ.)

Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34—42.

Volkov V. V. (2017) The empirical sociology of law in the context of interdisciplinary synthesis. *Sociological Studies*. No. 4. P. 34—42. (In Russ.)

Кузнецов Д. Концепция «поведения закона» Дональда Блека: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 16—47.

Kuznetsov D. (2015) Donald Black's Concept of «Behavior of Law»: Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates. *Sociology of Power*. Vol. 27. No. 2. P. 16—47. (In Russ.)

Фелстинер У. Л. Ф., Абель Р., Сарат О. Возникновение и трансформация споров: название, обвинение, требование // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 207—238.

Felstiner W. L. F., Abel R. L., Sarat A. (2015) The Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming. *Sociology of power*. Vol. 27. No. 2. P. 207—238. (In Russ.)

Avakame E. F., Fyfe J. J., McCoy C. (1999) «Did you Call the Police? What did they do?» An Empirical Assessment of Black's Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*. Vol. 16. No. 4. P. 765—792. <https://doi.org/10.1080/07418829900094361>.

Black D. (1973) The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 125—149. <https://doi.org/10.1086/467494>.

Black D. (1976) *The Behavior of Law*. New York: Academic Press.

Black D. (1979) Common Sense in the Sociology of Law. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 1. P. 18—27. <https://doi.org/10.2307/2094814>.

Braithwaite J., Biles D. (1980) Empirical Verification and Black's «The Behavior of Law». *American Sociological Review*. Vol. 45. No. 2. P. 334—338. <https://doi.org/10.2307/2095131>.

Clay-Warner J., McMahon-Howard J. (2009) Rape Reporting: «Classic Rape» and the Behavior of Law. *Violence and Victims*. Vol. 24. No. 6. P. 723—743. <https://doi.org/10.1891/0886-6708.24.6.723>.

Cooney M. (2002) Still Paying the Price of Heterodoxy: «The Behavior of Law» a Quarter-Century On. *Contemporary Sociology*. Vol. 31. No. 6. P. 658—661.

Copes H., Kerley K. R., Mason K. A., Van Wyk J. (2001) Reporting Behavior of Fraud Victims and Black's Theory of Law: An Empirical Assessment. *Justice Quarterly*. Vol. 18. No. 2. P. 343—363. <https://doi.org/10.1080/07418820100094931>.

Cummings S. L. (2013) Empirical Studies of Law and Social Change: What is the Field? What are the Questions? *Wisconsin Law Review*. No. 1. P. 171—204.

De Soto H. (1989) *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. New York: Harper and Row.

Doyle D. P., Luckenbill D. F. (1991) Mobilizing Law in Response to Collective Problems: A Test of Black's Theory of Law. *Law & Society Review*. Vol. 25. No. 1. P. 103—116. <https://doi.org/10.2307/3053891>.

Golladay K. A. (2017) Reporting Behaviors of Identity Theft Victims: An Empirical Test of Black's Theory of Law. *Journal of Financial Crime*. Vol. 24. No. 1. P. 101—117. <https://doi.org/10.1108/JFC-01-2016-0010>.

Gottfredson M. R., Hindelang M. J. (1979a) A Study of the Behavior of Law. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 1. P. 3—18. <https://doi.org/10.2307/2094813>.

Gottfredson M. R., Hindelang M. J. (1979b) Theory and Research in the Sociology of Law. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 1. P. 27—37. <https://doi.org/10.2307/2094815>.

Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. (2013) Mobilizing Law in Latin America: An Evaluation of Black's Theory in Brazil. *Law & Social Inquiry*. Vol. 38. No. 2. P. 322—341. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1747-4469.2012.01305.x>.

Holtfreter K. (2008) The Effects of Legal and Extra-Legal Characteristics on Organizational Victim Decision-Making. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 50. P. 307—330. <https://doi.org/10.1007/s10611-008-9139-z>.

Kuo S. Y., Cuvelier S. J., Sheu C. J., Chang K. M. (2012) Crime Reporting Behavior and Black's Behavior of Law. *International Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 51—71. <https://doi.org/10.1177/0268580911423054>.

Marshall D. (2008) The Dangers of Purity: On the Incompatibility of «Pure Sociology» and Science. *The Sociological Quarterly*. Vol. 49. No. 2. P. 209—235. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2008.00112.x>.

Michalski J. H. (2008) The Social Life of Pure Sociology. *The Sociological Quarterly*. Vol. 49. No. 2. P. 253—274. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2008.00114.x>.

Michalski J. H. (2014) The Behavior of Law: A Theoretical Integration. *The Open Social Science Journal*. Vol. 6. P. 1—7. <https://doi.org/10.2174/1874945301406010001>.

Michalski J. H. (2017) Scientific Partisanship: The Social Geometry of Intellectual Support. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 54. No. 2. P. 147—173. <https://doi.org/10.1111/cars.12143>.

Phillips S. (2003) The Social Structure of Vengeance: A Test of Black's Model. *Criminology*. Vol. 41. No. 3. P. 673—708. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb01001.x>.

Wong K. C. (2010) Crime Clearance Rates in Canadian Municipalities: A Test of Donald Black's Theory of Law. *International Journal of Law, Crime and Justice*. Vol. 38. No. 1. P. 17—36. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2009.11.002>.

Xie M., Lauritsen J. L. (2012) Racial Context and Crime Reporting: A Test of Black's Stratification Hypothesis. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 28. No. 2. P. 265—293. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9140-z>.

Zemans F. (1983) Legal Mobilization: The Neglected Role of the Law in the Political System. *American Political Science Review*. Vol. 77. No. 3. P. 690—703. <https://doi.org/10.2307/1957268>.